

И. А. БИТЮГОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И ШАРЛЬ ПЕГИ (Типологические связи)

Шарль Пеге (1873—1914) — известный французский поэт, философ, публицист и издатель, уроженец предместья Орлеана, внук виноградарей, сын ремесленника-столяра и плетельщицы стульев, получивший высшее образование в Париже и поднявшийся до вершин культуры. В детстве и отрочестве Пеге наблюдал в Орлеане ежегодные майские торжества в честь Жанны д'Арк, ставшей позднее одной из основных героинь его художественного творчества. В коллеже Святой Варвары и высшей Нормальной школе сложились первые литературные и общественные связи Пеге, в частности образовался кружок гуманистически настроенных юношей, мечтавших о преобразовании Франции в республику справедливости. Входя в этот кружок, Пеге активно и глубоко своеобразно преломил его идеи. Творческий путь его можно разделить на два периода — ранний, с 1897 по 1907 г., когда Пеге, сосредоточив свое внимание на социальных бедах, исходил как бы из атеистических воззрений, и поздний, после возвращения его в 1908 г. к вере своего детства, католицизму, но не традиционному, а несущему на себе печать его неповторимой личности. 5 сентября 1914 г. Пеге героически погиб в первой битве с Германией на Марне. Имя его как поэта и гражданина пользовалось особой популярностью в годы второй мировой войны среди участников французского Сопротивления. Р. Роллан, бывший преподавателем Пеге в высшей Нормальной школе, а затем во многом обязанный ему своей писательской судьбой (первой публикацией своих главных произведений), несмотря на произошедшее между ними в 1910-х гг. расхождение, в начале 1940-х гг. (незадолго до своей смерти) в оккупированной Франции вновь мысленно вернулся к Пеге и создал о нем двухтомный мемуарно-биографический труд.¹ А. Моруа, обобщив рассказы о Пеге современников, посвятил ему один из своих «литературных портретов». Творческое наследие Пеге остается актуальным во Франции и других странах и в наши дни.

Русскоязычному читателю Пеге был представлен очень ограниченно: переведены лишь отдельные стихотворения и статьи, некоторые крупные произведения в цитации и переложениях даны в вышедших у нас

¹ *Rolland R. Péguy. Paris, 1944. Vol. 1—2; одна глава переведена на русский язык, см.: Роллан Р. Собр. соч. М., 1958. Т. 14. С. 644—705.*

работах о нем Р. Роллана и А. Моруа; в Лондоне в 1992 г. издана в отрывках на русском языке публицистика Пеги под названием «Фундаментальные истины». В советском литературоведении, например в «Истории французской литературы» (М., 1959) или в «Литературной энциклопедии» (М., 1968. Т. 5), творчество Пеги освещалось неполно и предвзято, часто сопровождалось ярлыками: «почвенник»-националист, бывший «социалист», перешедший на позиции «реакции» и «мистического католицизма». Эта тенденция начала пересматриваться в конце 1960-х гг. — например, в работе В. Е. Балахонова «Ромен Роллан и его время. „Жан Кристоф“» (Л., 1968). Цельная и убедительная характеристика личности Пеги и основных этапов его творческой деятельности дается в защищенной при С.-Петербургском государственном университете в 1995 г. кандидатской диссертации Т. С. Таймановой «Шарль Пеги — поэт, литературный критик, публицист».

Нам остались неизвестными, скорее всего из-за отсутствия возможности обращения к публицистике и в особенности к эпистолярному наследию Пеги в их полном составе, отзывы Пеги о Достоевском. Отметим, однако, что в 1880-х—начале 1900-х гг. все крупнейшие произведения Достоевского были переведены на французский язык. Позднее Р. Роллан (в «Привете русскому читателю») вспоминал, «каким откровением» тогда во Франции явились для его и Пеги современников «творения Достоевского» и Л. Толстого, и об особом потрясении, испытанном ими от «Идиота» и «Братьев Карамазовых».² Внимание к проблематике творчества Достоевского и особенностям его психологизма привлекал и вышедший во Франции в 1886 г. труд М. де Вогюэ «Русский роман».³ Заметным явлением парижской театральной жизни стали спектакли по составленной французскими драматургами Ж. Копо и Ж. Круэ инсценировке «Братьев Карамазовых» в 1911 г. в «Театре искусств» и в 1913—1914 гг. в театре «Старая голубятня». Прямым свидетельством того, какое значение Пеги придавал творчеству Достоевского, служит перепечатка им в № 5 13-й серии его «Двухнедельных тетрадей» от 5 декабря 1911 г. (см. о них ниже) статьи А. Суареса о Достоевском, обращавшегося к нему, по словам чешского литературоведа Ф. Лайхтера, «вслед за Пеги», как к «„фонтану Надежды“, который бьет вечно».⁴ Не случайно некоторые французские исследователи (Ж. Бастэр, Ж. Брабан), отмечая широту философского диапазона Пеги, антиномичность постановки им проблем и внутреннюю органичность его развития, рассматривали его в одном

² См.: Роллан Р. Собр. соч. Т. 14. С. 531—532.

³ Vogüé E. M. Le roman russe. Paris, 1886.

⁴ Laichter F. Réguy et ses Cahiers de la Quinzaine. Paris, 1985. P. 226. Косвенным подтверждением значимости Достоевского для писателей, близких Пеги по духу, служит то, что в одном из частных январских писем 1910 г. Ален-Фурнье, младший брат Пеги по перу, сотрудничавший в это время с ним в одном журнале, поставил Достоевского выше А. Жида и Ж. Ривьера по глубине разработки нравственных и религиозных вопросов, а в сентябре 1910 г. он начал переписываться с Пеги, обращаясь к нему как к своему учителю. См.: Charles Réguy — Alain-Fournier. Correspondance. Paysages d'une amitié par Yves Rey-Herme. [Paris], 1990. P. 41.

ряду с Б. Паскалем, С. Кьеркегором, Ф. М. Достоевским, Н. А. Бердяевым.⁵

Конечно, при сопоставлении Достоевского, обосновавшего в 1860-е гг. идеи почвенничества, и Пеги, которого причисляли к французским «почвенникам» начала нового века,⁶ выявляются не только типологические параллели, но также национальное и художественно-мировоззренческое своеобразие писателей. Объединяет их прежде всего масштабность, страстность исканий, начавшихся у обоих с причастности к социалистическим кружкам, утопическому социализму, а завершившихся исповеданием высоких христианско-гуманистических идеалов. Для Пеги характерна «ангажированность», одержимость в каждый данный момент своими убеждениями. Таким же был как личность и писатель Достоевский, который, по его признанию, во всем «до последнего предела» доходил (28₂, 207).

Можно провести аналогию между ранним произведением Пеги «Марсель, первый диалог о Граде Гармонии» (1898), плодом совместных раздумий Пеги и его друга Марселя Бодуэна, умершего за год до этого, и проходящим через «Преступление и наказание», «Бесы», «Подросток», «Сон смешного человека», «Братья Карамазовы» мотивом «золотого века», который, как показывает А. С. Долинин, развиваясь и трансформируясь, получает и прямое авторское выражение в 1880 г. в Речи Достоевского о Пушкине, его «пророчествах» о будущей «мировой гармонии».⁷

В изложенной ритмизованной прозой программе Града Гармонии значится, что его будут населять «все живые, все, наделенные душой... ибо не должно людям с живой душой оставаться в нем чужими (...) все люди из всех семей, все люди из всех земель... все люди из всех званий... все люди из всех стран... все люди из всех племен (эллины и варвары, иудеи и арийцы, латиняны, германцы и славяне), все люди всех наречий... все люди всех культур... все люди всех верований... всех состояний... всех отечеств». Труд предполагается в Граде Гармонии «никогда не вредный», выбранный всеми «по нраву» и поддержанный «дарами земными». Женщины, старцы, отроки освобождаются от этих работ. Жизнь будет основана на законах свободы, разнообразия и красоты, прежде всего духовной: «Каждая душа наилучшим образом развивает в Граде присущую ей особую красоту». Искусство, науки и философия и люди, ими занятые, совершенно свободны, «никто не властен повелевать» ими. Не подобает омрачать труд художников и ученых заботой о существовании, в Граде они будут избавлены от нее. Вместе с людьми обитателями Града станут «все твари земные», и люди должны «относиться к ним, как старшие, ибо души животных пребывают в младенчестве».⁸

⁵ См.: *Bastaire J. Pégué. L'inchretien. Paris, 1991. P. 8; Brabant G. Le mystère de la charité de Jeanne d'Arc. Extraits. Paris, 1956. P. 7.*

⁶ См.: *Великовский С. В скрещении лучей. М., 1987. С. 144.*

⁷ См. посмертную публикацию доклада-статьи А. С. Долинина 1956 г. с предисловием Г. А. Бялого: *Долинин А. С. Золотой век // Нева. 1971. № 11. С. 179—186.*

⁸ Цитируется Р. Ролланом, по-видимому, с обозначением ритма прозы Пеги, см.: *Роллан Р. Собр. соч. Т. 14. С. 662—664.*

Эта мечта о единстве всего человечества, живущего в согласии с природой и «братьями меньшими», будущем «рае на земле», близка к видению «золотого века», возникшему у героя романа Достоевского «Подросток» Версилова при воспоминании о картине Клода Лоррена «Асис и Галатея», сначала во сне, а потом как бы наяву, причем в первом случае гармоническое изображение «греческого архипелага», окаймленного «голубыми, ласковыми волнами» и озаренного лучами «заходящего зовущего солнца», вызывало у Версилова представление о «колыбели европейского человечества», «земном рае», когда люди были «счастливы и невинны» и «великий избыток непчатых сил уходил» у них «в любовь и в простодушную радость»; во втором же — это «последний день человечества», оставшегося после долгой борьбы в одиночестве, без «великой прежней идеи» о Боге и бессмертии: «...весь великий избыток прежней любви к тому, который и был бессмертие, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку», они возлюбили бы друг друга и «работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем всё свое и тем одним был бы счастлив» (13, 375, 378—379). В «Подростке» картина наступившего братского единения завершается «видением, как у Гейне, „Христа на Балтийском море”», т. е. явлением Христа, простирающего к людям руки. «И тут как бы пелена упала со всех глаз и раздавался бы великий восторженный гимн нового последнего воскресения...» (13, 379). Что касается Пеги, то он пытался строить свой Град на идеальных социалистических началах, удивительно одухотворенных и просветленных «мистическим» присутствием его любимого друга Марселя Бодуэна. «Граду Гармонии» Пеги, в отличие от одной из первых подобных утопий «Города Солнца» Т. Кампанеллы (1602), чужды строгая регламентация и обязательность. Как и в грезах Версилова о «золотом веке», в «Диалоге» Пеги им противостоят братская любовь и красота, оттененные и в романе, и в «Диалоге» поэтическим строем речи их авторов. Еще не обретя, как Достоевский, веры в «новое и последнее воскресение», Пеги и его единомышленник Марсель Бодуэн возлагали надежды на предопределенное самим Провидением стремление человека и человечества к внутреннему совершенствованию.⁹

Однако вскоре, непосредственно столкнувшись с трагическими противоречиями современной ему действительности, Пеги убеждается, сколь трудно они разрешимы. Но для него на всю жизнь остаются незыблемыми права каждой отдельной личности и свобода науки и искусства от общественного диктата. В очерке о Пеги А. Моруа писал: «Он был взращен на романах Виктора Гюго, и Гюго сделал из него республиканца. В двадцать лет он был социалистом, чей социализм, — говорит Таро (соученик Пеги по коллежу Св. Варвары. — *И. Б.*), — больше походил на социализм Франциска Ассизского, нежели Карла Маркса».¹⁰ В становлении Достоевского как писателя, судя по его переписке с братом М. М. Достоевским, В. Гюго также сыграл нема-

⁹ См.: *Buras R. Charles Péguy. La révolution et la grâce.* Paris, 1994. P. 83—84, 243—244 (о более позднем периоде творчества Пеги с упоминанием Достоевского).

¹⁰ *Моруа А. Литературные портреты.* М., 1970. С. 388.

ловажную роль. Позднее, уже по возвращении с каторги, в предисловии к публиковавшемуся во «Времени» (1862. № 9) переводу романа Гюго «Собор Парижской Богоматери», Достоевский назвал Гюго «провозвестником» «основной мысли всего искусства девятнадцатого столетия» о восстановлении «погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков» (20, 28). Эта, по определению Достоевского, «христианская и высоконравственная» мысль составляла и пафос литературной деятельности Пеги, выступавшего за всех «униженных и оскорбленных».

Первым испытанием для него явилось так называемое «дело» А. Дрейфуса, получившее в 1897 г. широкий резонанс и разделившее французское общество на дрейфусаров и антидрейфусаров. Пеги и его товарищи стали активными участниками дрейфусарского движения, противостоявшего политической реакции в стране в целом. 6 февраля 1898 г. Пеги выступил в газете «L'Essor» в поддержку статьи Э. Золя «Я обвиняю». В итоге годичной борьбы в сентябре 1899 г. Дрейфус был амнистирован. Пеги не был удовлетворен этим результатом (отсутствием оправдания) и протестовал против деформации, которую претерпела политическая деятельность части его бывших союзников. Для него это начало, по его собственной терминологии, воспроизводимой Моруа, вечного спора между «мистикой и политикой». Далее Моруа разъясняет со ссылкой на того же Ж. Таро: «В 1900 годах политик-социалист готовил выборную кампанию, считал голоса и места. Политик-антидрейфусар говорил: „Неважно, виновен Дрейфус или нет. Нечего тревожить великий народ из-за одного невинного“. Но Пеги не хотел (...) чтобы Франция погубила свою душу во имя временного спасения, принося в жертву безвинного».¹¹ Эту недопустимость для Пеги принесения «в жертву безвинного» даже ради спокойствия Франции и понимание, что она нарушит этим Высшую правду, можно сопоставить по этическому максимализму со «слезинкой» или «слезками» замученного ребенка, на которых в «Братьях Карамазовых» Иван (в этом случае в согласии с Алешей) отказывается возводить здание судьбы человеческой «с целью в финале осчастливить людей» (см.: 14, 223—224; 15, 229), тем более что к теме детских страданий Пеги позднее обращается непосредственно (см. примеч. 29).

В декабре 1899 г. состоялся Генеральный конгресс французских социалистов, оттолкнувший Пеги авторитарностью их политики. Пеги был особенно возмущен принятым по предложению Ж. Гада, Э. Вайана и Ж. Жореса решением о необходимости руководствоваться «партийной правдой» при издании социалистических книг, запрещающим помещать информацию, приносящую «вред пролетариату». Он покинул конгресс, «переполненный, — по его признанию, — отвращением к новой лжи и несправедливости, которую собирались утвердить во имя новой партии»,¹² и порвал с группой своего прежнего наставника Л. Эрра. Это навсегда поставило Пеги вне каких-либо партий.

Желая служить полной и всесторонней «правде», ведущей к «исти-

¹¹ Там же. С. 390.

¹² Роллан Р. Собр. соч. Т. 14. С. 693—694.

не», Пеги в начале 1900 г. предпринимает издание «Двухнедельных тетрадей», выходящих в двух сериях (общественно-политической и художественной) в течение 14 лет до самой его смерти и привлекавших внимание читателей как во Франции, так и за ее пределами. Вместе с небольшим кругом близких ему по взглядам людей Пеги решает честным словом, в действенность которого он верил, широкой информацией обо всем происходящем в мире побуждать к размышлению о перестройке общества на здоровой экономической и моральной основе. Вначале Пеги продолжает называть эту перестройку «революцией» (в своем особом высшем, «мистическом» ее понимании), но опыт прошлых революций и охватившие его «горькие сомнения» по поводу предстоящей заставляют Пеги вынести на обложку одной из «Тетрадей» 1901 г. предупреждение: «Социальная революция будет моральной или вовсе не произойдет».¹³

Не рассматривая всесторонне публицистическую деятельность Пеги, остановимся лишь на ее основных аспектах, соприкасающихся с Достоевским. Известно ироническое отношение Достоевского к лозунгу «Свобода, равенство, братство», провозглашенному в годы первой французской буржуазной революции. Пеги тоже пересматривает содержание компонентов этого лозунга. Без подлинной свободы он вообще не мыслит никакого развития. Главным же он считает «братство», возлагая надежды на тяготение к нему человечества и самовоспитание. Что касается «равенства», то из всей совокупности возникающих в связи с ним вопросов беспокойство Пеги прежде всего вызывало существование «нищеты». О ней он писал с гневом, тревогой, в трагических тонах, убеждая «в невозможности избавления от нравственного или умственного убожества без избавления от убожества экономического» («О Жане Косте», 1902).¹⁴ Гораздо меньшее значение он придавал расслоению общества, в какой-то мере неизбежному, по степени материального преуспевания. В его Граде равенство имеет значение только как самоощущение. Если «братство», по Пеги, — чувство древнее и глубокое, то равенство «зачастую заботит лишь любящих покрасоваться (...) политиков».¹⁵ Эти критические размышления перекликаются с Достоевским, высмеивавшим во многих произведениях («Зимние заметки о летних впечатлениях», «Идиот», «Бесы», «Дневник писателя» 1876 и 1880 гг. и др.) толки «западных социалистов» о «свободе», оказывающейся мнимой в обществе господства «миллиона», и скептически воспринимавшим их планы установления «равенства» путем принудительной регламентации человеческой жизни, превращения ее в «муравейник» (5, 78—81), «равенства», по которому «отрубят голову Шекспиру и Рафаэлю» (27, 54). Предчувствие Достоевским грядущего насилия во имя уравниательства предваряет неприятие Пеги любого диктаторства, в том числе и со стороны тех, с кем он недавно был в одном лагере. «И опять же, кто предвидел, кто мог предвидеть, что те же люди, которые некогда боролись против не-

¹³ Подробнее см.: Там же. С. 686—687.

¹⁴ Пеги Ш. Фундаментальные истины. Лондон, 1992. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 21—24.

справедливости государства, станут сами, едва одержав победу, совершать те же несправедливости? кто мог предвидеть это вторжение варварства и это новое порабощение? — Кто мог предвидеть, что из такого зла выйдет такое благо и из такого блага — такое зло; из такого равнодушия — такой кризис, из такого кризиса — такое равнодушие; кто сегодня может ответить за человечество? кто может ответить за народ? кто может ответить за человека? — Кто ответит за завтрашний день?»¹⁶ — вопрошал Пеги в 1904 г. в статье «Зангвиль», размышляя над сложностью общественного бытия и невозможностью волюнтаристского управления ходом истории.

Несколько отличаются подходы Достоевского и Пеги к решению вопроса о братстве. Считая это чувство общечеловеческим, «живым», «нетленным», передающимся «из поколения в поколение, от одной культуры к другой», Пеги верил, что «это одно из тех главных чувств, которые создали человечество, сохранили его и, надо думать, приведут в будущем к его освобождению».¹⁷ Для Достоевского характерно осознание сложности этого пути. Известна насмешливая формула из «Зимних заметок о летних впечатлениях»: «Чтоб сделать рагу из зайца, надо прежде всего зайца» (5, 81), — отражающая одну из главных мыслей писателя о том, что, пока нет братьев, не будет и братства и что необходима выработка «натуры», способной к братству. Полагая, что в современных ему буржуазных индивидуалистических культурах Западной Европы такой «натуры» нет, Достоевский обнаруживал задатки ее в русском народе, его истории и культуре, гениальное воплощение которых видел в Пушкине с его «способностью всемирной отзывчивости», проникновения в «дух» других народов. В итоговой Пушкинской речи писатель предрекал «грядущим русским людям» ведущую роль в примирении «европейских противоречий», произнесении «окончательного слова великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону» (26, 145 и 148).

«Двухнедельные тетради» были периодическим изданием, включающим и статьи других авторов, но единство и тональность «Тетрадей» определял голос самого Пеги. По своему жанру «Двухнедельные тетради» представляют собой нечто среднее между журналом и дневником: это «журнал-исповедь», «журнал-дневник».¹⁸ По отражению в них своеобразной личности автора, по непосредственному контакту, беседе его с читателем (статьи часто называются «речами») они напоминают «Дневник писателя» Достоевского с его откровенной эмоциональной реакцией на все происходящее. Сближает их и прием диалогичности, обсуждение того или иного вопроса, события с реальным или воображаемым оппонентом. Оба писателя, начиная свои издания, специально декларируют этот прием: Достоевский предпосылает «Дневнику писателя» 1873 г. литературную «присказку» о пользе воспроизведения

¹⁶ Там же. С. 60.

¹⁷ Там же. С. 22.

¹⁸ См.: *Тайманова Т. С.* Шарль Пеги и духовная атмосфера его «Двухнедельных тетрадей» // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1989. № 871. Литературоведение. С. 92.

спора пусть с вымышленным, но умным «лицом»; первый же номер «Двухнедельных тетрадей» открывается «Письмом провинциала», школьного учителя, созданного Пеги персонажа, непринужденная переписка с которым «приближает их к атмосфере» популярных во Франции «Маленьких писем» Паскаля.¹⁹ Ориентация как на центр, так и на провинцию, живой разговор с широким читателем о событиях, происходящих не только во Франции, но и в России, Румынии и даже на Мадагаскаре, освещение их в духе единой концепции издателя «Тетрадей», несущей в себе начала его этической проповеди, — все это имеет свою аналогию и в «Дневнике писателя» Достоевского. И в «Дневнике», и в «Тетрадах» полемика ведется прямо и демонстративно, с предоставлением «слова» противнику (или обильным его цитированием) и горячим, порой убийственным опровержением (например, «разоблачение» Достоевским Н. С. Лескова в главе «Ряженный» «Дневника писателя» 1873 г. или «обращения» его к А. Д. Градовскому по поводу его статьи о Пушкинской речи; ср. подобные по степени накала возражения Пеги: «Краткий ответ Жану Жоресу» 1900 г., «Личные выпады» 1902 г., «Наша молодежь» 1910 г.). Достоевский в «Дневнике писателя» неоднократно вспоминает о своей молодости, первой встрече с Белинским, о петрашевцах, годах каторги и пережитом там духовном переломе, т. е. о главных вехах своей жизни. Пеги же в «Тетрадах» предстает во всей последовательности и внутренней взаимосвязанности своей эволюции: перехода от атеистического по форме, а по существу уже тогда, по определению Р. Роллана, «мистического», «героического» служения «истине»²⁰ к непосредственной защите христианских начал жизни. Созвучна у Достоевского и Пеги и поэтика предельно искреннего действенного публицистического слова, афористическую формулировку которого он дал на страницах своих «Тетрадей» в 1910 г.: «Одно и то же слово не то самое у одного писателя и у другого. Один вырывает его из собственной утробы. Другой вынимает из кармана пальто».²¹ И наконец, «Дневник писателя» Достоевского и «Двухнедельные тетради» Пеги объединяет их исповедальная направленность. И если раскрытие Достоевским своих задушевных убеждений и размышлений о судьбах России порождало ответный отклик в письмах к автору «Дневника» его корреспондентов, обращавшихся к нему со своими сомнениями и жаждущих очищения,²² то «Двухнедельные тетради» Пеги воспринимались, по свидетельству его соплеменника, как «трагический „Разговор с совестью“ (...) всеобъемлющий, публичный, беспощадно откровенный разговор. Говорил один человек (...) бесстрашно исповедовавшийся до конца, проникавший в самые глубины человеческой совести и потрясавший ее. Слово Пеги помогло освобождению совести мятущейся Франции, вопрошавшей себя».²³

¹⁹ Там же. С. 88.

²⁰ Роллан Р. Собр. соч. Т. 14. С. 672—674, 705; см. также: Наркирьер Ф. С. Французский роман наших дней. М., 1980. С. 174.

²¹ Пеги Ш. Фундаментальные истины. С. 14.

²² См.: Волгин И. Письма читателей к Ф. М. Достоевскому // Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 173—196.

²³ Роллан Р. Собр. соч. Т. 14. С. 704.

В художественном наследии Пеги также намечаются тенденции внутреннего сопряжения с Достоевским. Одной из главных героинь Пеги является Жанна д'Арк, признанная Достоевским «величавым и чудесным историческим явлением», «светлое и, может быть, бесспорное разрешение» вопроса о которой он увидел в романе «Жанна» Ж. Санд, воскресившем «в современной крестьянской девушке (...) образ исторической Жанны д'Арк» и отразившем «чистый идеал невинной девушки — чистый и столь могущественный своей невинностью» (из отклика на смерть Ж. Санд: «Дневник писателя» 1876 г., июнь — см.: 23, 35). Героиня Пеги — также верная своему прообразу крестьянская девушка, могущественная своей невинностью, «мятежная святая» XV в., духовный облик которой близок, по словам Моруа, самому автору.²⁴ Творчески претворяя и углубляя в разные периоды те или иные родственные ему черты реальной Жанны, Пеги отражает в ее страстных эмоциональных реакциях, высказываниях, спорах с другими персонажами, внутренних монологах и свое отношение ко многим вопросам войны и мира, человеческого поведения, религии, мироздания. Образ ее присутствует так или иначе во многих произведениях Пеги. Наиболее крупным планом он выведен в созданной молодым Пеги в 1897 г. драме-трилогии «Жанна д'Арк» и его зрелой «мистерии» о ней 1910 г. Не касаясь всего исторического пласта драмы Пеги, которая была написана им в Орлеане на архивных материалах, рассчитана на представление и охватывала события, происходящие в течение 6 лет (от изображения тринадцатилетней Жанны в деревне Домреми до суда над ней в Руане), подчеркнем главное. Жанна в этой драме, как и историческая Жанна д'Арк, вдохновлена «святыми голосами», душой общается с Богом и в то же время выступает, подобно самому Пеги, как стихийная мистическая социалистка. Основная ее черта — равнодушие: она не может пройти мимо больших или малых бед, обид и даже строго вопрошает небо о причинах существования боли и страданий «всех людей на земле». В то же время сама она полна чувства ответственности за пути, которыми вела, и перед смертью менее боится костра, нежели того, что «обманулась и обманула других». Победив сомнения, она вновь просит прощения за «зло», которое совершила, и обращается к Богу с мольбой «ниспослать» «спасение всем»: «Христос, спаси нас всех для жизни в небесах».²⁵ Эти внутренние колебания отражают и состояние самого Пеги, считавшего в эту пору «ад земной» не менее страшным, чем преисподняя, признававшего себя атеистом, но по сути своей являвшегося христианским социалистом. Последовательное рассмотрение его деятельности приводит американского ученого А. Дрю (в 1956 г.) к выводу, что «революция для Пеги никогда не была ни политическим переворотом, ни разрывом с традициями; она была „тропой, ведущей к Христу, а не к смерти“».²⁶

²⁴ Моруа А. Литературные портреты. С. 391—392.

²⁵ См.: Роллан Р. Собр. соч. Т. 14. С. 669.

²⁶ См. цитацию и ее перевод: Тайманова Т. С. Шарль Пеги — поэт, литературный критик, публицист: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. С. 7.

Через 13 лет, когда Пеги мог бы повторить вслед за Достоевским, что «через большое горнило сомнений» его «осанна прошла» (27, 86), тема Жанны д'Арк получает у него иное жанрово-философское раскрытие в «Мистерии о милосердии Жанны д'Арк» (1910). Обратившись к этому древнему жанру (распространенному во Франции в век самой героини и восходящему в еще более далеком прошлом к литургической драме), для которого характерны масштабное действие, сочетающее в себе мистическое и житейское, столкновение Бога и дьявола на небе, добра и зла на земле, Пеги переносит в русле литературы конца XIX—начала XX в. этот «сверхличный спор добра и зла (...) во внутренний мир человека» в соответствии со знаменитыми словами Достоевского из «Братьев Карамазовых»: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» (14, 100).²⁷ Обозначенная этой емкой формулой тенденция получает масштабное воплощение в «романах-трагедиях» (В. И. Иванов) Достоевского, особенно последнем, с проблематикой которого в чем-то соприкасается «Мистерия о милосердии Жанны д'Арк» Пеги. В ней сюжетное действие заменено напряженным диалогом между глубоко верующей и вместе с тем наделенной бесстрашием мысли и бесконечной любовью к людям Жанной и монахиней Жервезой, смиренно исповедующей ортодоксальные догматы католической церкви. По антиномичности и остроте постановки вопросов о соотношении земного бытия и божественного Промысла этот диалог можно сопоставить с беседой Алеши и Ивана в книге пятой «Рго и contra» романа «Братья Карамазовы». Хотя в целом содержание контroversы и тем более фигуры спорящих различны, но общее, что сближает оба спора, — тема о пределах земных и посмертных страданий. Если Иван, возвращающий свой «билет» от Божьего мира, не может осмыслить допустимость страдания невинных детей, то Жанна, будучи не в состоянии смириться с небытием без воскрешения для отвергнутых грешников, возражает против догмата о «вечном аде». Не понимая Жервезу, молящуюся лишь о спасении своей души, она хочет спасти души всех христиан, грешных и праведных: «И если, чтоб спасти от вечного небытия Души проклятых, обезумевших от небытия, Нужно предать мою душу вечному небытию, Да уйдет душа моя в вечное небытие».²⁸ Тезис «современного отрицателя» (30₁, 68) в «Братьях Карамазовых»: «Если Бога нет, то все дозволено» (14, 64—65) — соотносится с несколько иным аспектом мистерии Пеги — спором о степени допустимости человеческой свободы рядом с божественным Провидением.²⁹

²⁷ См. об этом: Тайманова Т. С. Мистерия о милосердии Жанны д'Арк (современная мистерия: к вопросу о жанре) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1988. № 792. С. 103.

²⁸ Там же. С. 103—105. Здесь и далее перевод Т. С. Таймановой.

²⁹ Взаимосвязь между теми же дилеммами бытия в «Братьях Карамазовых» и этой мистерии Пеги независимо устанавливает современный немецкий философ Р. Лаут, отмечая развитие Пеги в «Мистерии о святом Иннокентии» (1912) поднятого Достоевским вопроса о «слезинке» ребенка, страданиях детей, которые, по Пеги, наряду с «болями», невозможностью устранить «насилие» и «другими бедами» на земле, «вряд ли может (...) облегчить вся святость мира» (Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996. С. 239—240).

Прямое отношение к центральной проблематике «Мистерии о милосердии Жанны д'Арк» имеет упоминаемый Иваном в «Братьях Карамазовых» апокриф «Хождение Богородицы по мукам». В нем просительницей за особый «разряд» грешников, которые не могут выплыть и погружаются в горящее озеро и которых затем «забывает Бог» (выражение, поразившее героя Достоевского), выступает посетившая ад Богоматерь. Бог указывает ей на «пригвожденные руки и ноги ее сына». Тогда «она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с нею и молить о помиловании всех без разбора» и «вымаливает у Бога остановку мук на всякий год от великой пятницы до троицына дня», а благодарные грешники вопиют: «Прав ты, Господи, что так судил» (14, 225; см. также: 15, 556). Пересказ Ивана, до этого отрицавшего возможность прощения матерью страданий своего ребенка, кое-где окрашен иронией, но дальнейшее осмысление тема прощения получает в устах Зосимы, связывающего его с необходимостью всеобщего искупления греха.³⁰ С решением вопроса о конечном прощении в русле традиции, идущей от Франциска Ассизского, соотнесено и безграничное милосердие героини Пеги.

Христианство Жанны, являющееся для Пеги в значительной мере отражением его собственного alter ego, активно. Перед ней постоянно встает вопрос: «Кого спасать и как спасать?». Такой же активной была христианская позиция Достоевского. Его «положительно прекрасный» герой князь Мышкин стремится спасти хотя бы одну оскорбленную душу, откликается на переживания каждого. Известна ироническая запись Достоевского по поводу критики в его адрес К. Н. Леонтьева в статье «О всемирной любви...», посвященной его Речи о Пушкине (1880): «*Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет)*. В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коль все обречены, так чего же стараться, чего любить, добро делать? (Живи в свое пузо)» (27, 51).³¹

Вслед за «Мистерией о милосердии Жанны д'Арк» Пеги, охваченный религиозно-поэтическим вдохновением, создает в 1911—1913 гг. одну за другой ряд мистерий, посвященных темам Нового и Ветхого Заветов, «святым праведникам» и снова Жанне д'Арк; одна из них «Представление Босии Шартрской Богоматери» (1913) была следствием его паломничества в Шартр в связи с опасной болезнью сына Пьера (вспоминается поездка Достоевского в Оптину Пустынь после смерти сына Алеши). Несмотря на это, отношения Пеги с католической церковью по-прежнему сложны. Защищая рядовых священников, «чис-

³⁰ О развитии мотивов этого апокрифа, а также Апокалипсиса и русских народных духовных стихов в романе см.: Бузина Т. Мотивы духовных стихов в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая литература. СПб., 1996. Вып. 6. С. 62—71.

³¹ Убедительное объяснение этого спора расхождением между «светлой апокалиптикой» Достоевского, «начинающейся уже сейчас и всегда, на этой земле», и «катастрофической эсхатологией» К. Н. Леонтьева, эстетизировавшего трагизм жизни, с его точки зрения «на этой земле» неразрешимый, см.: Бочаров С. Г. Леонтьев и Достоевский. Статья первая // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 187—189.

тую» веру теперь уже от нападков атеистов, Пеги остается не в ладах с «политическими силами» церкви тех лет и некоторыми ее установлениями,³² продолжает ее критиковать, стремится как в художественных произведениях, так и в публицистике донести главное для него в учении Христа, отчасти сближаясь на этом пути с Достоевским. «Мистерия о милосердии Жанны д'Арк» в правоверных кругах была воспринята как еретическая и вызвала возражения католического критика Франсуа Ле Гри. Пеги отвечает ему статьей «Новый теолог» (1911). Еще ранее в статье «Наша молодежь» (1910) «растущую слабость Церкви в современном мире» он объясняет «не тем, как это принято думать, что Наука возвела против Религии какие-то якобы непобедимые системы», а тем, что ей «недостает милосердия».³³ Именно эта мысль была основной в противостоянии Жанны и монахини Жервезы. «Я признаю лишь одно христианское милосердие — то, которое непосредственно от Иисуса: это беспрестанное духовное и мирское единение с бедным, со слабым, с угнетенным»,³⁴ — уточняет Пеги в статье «Деньги» (1913).

Достоевского и Пеги связывают также размышления о соотношении материальных и духовных начал жизни человека, в частности вопрос о «хлебе» земном и небесном, при некоторой полемичности (скорее кажущейся) его решения. Любопытно, что на страницах издаваемого Ф. М. и М. М. Достоевскими «Времени» эта тема поверялась личностью Жанны д'Арк. В 1862 г. в № 8 постоянный сотрудник журнала М. В. Родевич высказывает тревогу по поводу печального состояния общественной нравственности в России; среди наиболее важных причин он называет невежество и нищету, ссылаясь на слова Гюго о том, «что даже дева орлеанская едва ли бы осталась девою орлеанскою, если бы была голодна» (см.: 20, 409—410). В № 10 «Времени» помещено возражение П. П. Сокальского, который не согласен со столь материальным взглядом на Россию и возлагает надежду на «укрепление в обществе идей правды и добра», защиту «честного труда и честного имени от голода и нищеты». Оскорбившись за орлеанскую деву, Сокальский приводит пример стойкости русской девушки «ценою смерти» (см.: 20, 410). В примечании к «Заметкам...» Сокальского Достоевский поясняет, что редакция сочла возможным поместить две противоречащие друг другу статьи, так как это служит «к дальнейшему разрешению вопроса» об общественной нравственности, «в котором окончательного слова еще долго ждать» (20, 226—227). Позднее к этому вопросу Достоевский возвращается неоднократно. В романе «Идиот» воспроизводится спор между «удалившимся мыслителем» (В. С. Печериным), жалующимся, что новый шумный «промышленный» век мало заботится о «спокойствии духовном», и другим «разъезжающим повсеместно мыслителем» (А. И. Герценом), возражающим: «Пусть, но стук телег, подвозящих хлеб голодному человечеству, может быть, лучше спокойствия духовного» (8, 311—312). Глубоко сочувствуя обездоленным, кого голод, как героя любимого им романа Гюго

³² См.: *Роллан Р.* Собр. соч. Т. 14. С. 674.

³³ *Пеги Ш.* Фундаментальные истины. С. 54.

³⁴ Там же. С. 89.

«Отверженные», мог довести до каторги, Достоевский изменение их положения связывал в первую очередь с этическими основами общества и его духовным преображением, что находит отражение в реплике одного из персонажей «Идиота»: «Не верю я, гнусный Лебедев, телегам, подвозящим хлеб человечеству! Ибо телеги, подвозящие хлеб всему человечеству, без нравственного основания поступку, могут прехладнокровно исключить из наслаждения подвозимым значительную часть человечества, что уже и было...» (8, 312; см. также: 9, 393). В письме к В. А. Алексееву от 7 июня 1876 г. Достоевский дает истолкование первого искушения дьяволом Христа возможностью превратить «камни в хлебы» применительно к «нынешнему социализму», который «устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе». Ответ Христа «не одним хлебом бывает жив человек» Достоевский назвал «аксиомой (...) о духовном происхождении человека», завещанной нам «идеалом Красоты», воплощенным в Христе, имея который «в душе, все станут один другому братьями и тогда, конечно, работая друг на друга, будут и богаты» (29₂, 84—85). Это не исключало понимания Достоевским сложности, длительности и трагичности пути человека и человечества к такому братству.

Этому же идеалу Пеги призывал служить в статье «Новый теолог»: «...христианство, погруженное в современный мир, христианство, идущее через современный мир, современную эпоху, обладает великой, чистой, трагической, одному ему присущей красотой»; церковь же должна хранить заветы Учителя не как «вдова», а как «жена»,³⁵ т. е. действительно. Этот идеал не вступал у него в противоречие с постоянной мыслью о том, что и «небо» не может быть спокойным, пока есть обездоленные и угнетенные. «Недостаточно, к сожалению, быть католиком. Необходимо трудиться в мирском, если хочешь вырвать будущее у мирской тирании»,³⁶ — писал он в статье «Деньги». Пеги внушал чувство ответственности за состояние мира всем: верующим и неверующим, грешным и святым. В «Новом теологе» он так излагал свое понимание христианства: «Грешник протягивает руку святому (...) потому что святой подает руку грешнику. И все вместе, один с помощью другого, один подтягивая другого, восходят к Иисусу, образуют цепь, восходящую к Иисусу, цепь из пальцев, которых нельзя разнять. Не христианин тот, кто не подает руки».³⁷ Представление о взаимосвязанности людей, осознанной христианством, характерно и для Достоевского. Наиболее кратко и выразительно оно сформулировано в набросках к «Идиоту»: «Сострадание — всё христианство. Цепь» (9, 270; см. также о «цепи»: 9, 241, 269 и 465).

Исследователи отмечали близость изображаемых Пеги святых к земле, к природе, крестьянские черты в некоторых из них и в праматери человечества Еве.³⁸ «Почвенничество» Пеги и состояло прежде всего в гордости своими предками — ремесленниками и

³⁵ Там же. С. 93.

³⁶ Там же. С. 90.

³⁷ Там же. С. 96.

³⁸ Великовский С. В скрещении лучей. С. 150—151.

крестьянами средневековья, радостно и искусно трудившимися над плетением стульев, строительством соборов, выращиванием винограда. Он противопоставлял их общины состоянию раздираемой противоречиями Франции начала XX в., выступал с критикой иссушенных схоластикой интеллектуалов из Сорбонны, утративших, по его мнению, связь с народом. Известную аналогию этому можно усмотреть в почвенничестве Достоевского, который также придавал большое значение народным истокам русской жизни, призывая своих образованных современников вернуться к родной «почве», трудиться на «ниве» народной жизни (см., например: 26, 139). Каждый из писателей мечтал о вкладе своей родины и народа в историю будущего человечества.

Большую роль в формировании философских и эстетических понятий Ш. Пеги сыграл Анри Бергсон, читавший ему лекции в высшей Нормальной школе, один из основателей философии интуитивизма, с ее отказом от культа разума в постижении длящейся жизни и глубин реальности, признанием роли мифологии и откровения. В 1914 г. Пеги посвятил ему большую работу — «Заметки о Бергсоне и бергсониианской философии». Бергсон, по сути своей философ-поэт, помог Пеги, по мнению Моруа, дать «обоснованную защиту христианства от позитивизма и материализма».³⁹ В своем «Обращении к читателю» Пеги писал: «Сила гения — в его интуиции; дело гения — проникать мысленным взором в еще не осуществленную действительность».⁴⁰ И сам он стремился улавливать направление хода событий и во многом предсказал или «создал миф своей жизни»⁴¹ (предошущение войны с Германией и своей смерти в бою).⁴²

Некоторые положения философии Бергсона явились развитием антиметафизических постулатов Ф. Шеллинга и А. Шопенгауэра, философов, с которыми был знаком Достоевский; отклики на их идеи можно обнаружить в его творческом и эпистолярном наследии. В юности, отчасти под влиянием чтения Шеллинга, Достоевский писал брату Михаилу Михайловичу 31 октября 1838 г. о соотношении ума как «способности материальной» и «духа», постигающего «любовь и природу» сердцем. В заключение он подчеркнул: «Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное — природа... Заметь, что поэт в порыве вдохновенья разгадывает Бога, след(овательно), исполняет назначение философии. След(овательно), поэтический восторг есть восторг философии... След(овательно), философия есть та же поэзия, только высший градус ее!..» (28₁, 54).

Как отмечалось, Пеги «воспринимает мир „по Бергсону“, как непрерывный, нераздельный поток, в котором прошлое сохраняется в настоящем и не может быть оторвано от настоящего вследствие „неделимости изменения“»,⁴³ таящего в себе и будущее. В представле-

³⁹ Моруа А. Литературные портреты. С. 397.

⁴⁰ См.: Роллан Р. Собр. соч. Т. 14. С. 685—686.

⁴¹ Тайманова Т. С. Шарль Пеги — поэт, литературный критик, публицист: Автореф. дисс... С. 14.

⁴² См. перевод отрывка из «Евы» — «Блажен, кто пал в бою за плоть земли родную»: Лившиц Б. Французские лирики XIX и XX веков. Л., 1937. С. 143.

⁴³ См.: Тайманова Т. С. Шарль Пеги — поэт, литературный критик, публицист. С. 14.

нии Достоевского для писателя также необходимо проникновение в поток событий, движение жизни. Сохранилось много его суждений о значении «текущего» для установления связи с прошедшим и выявления зачатков будущего. Отвечая 9 апреля 1876 г. Х. Д. Алчевской, педагогу из Харькова, Достоевский делился своими мыслями о необходимости для писателя знать «до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность» и сообщал, что, «готовясь написать один очень большой роман (...) задумал погрузиться специально в изучение — не действительности, собственно», с которой «и без того знаком, а подробностей текущего», а главное — изменений в «молодом поколении» и «русской семье» за 20 лет (29₂, 77—78). Известна полемика Достоевского с И. А. Гончаровым о понимании типического — утверждение недостаточности отражения только отстоявшегося и необходимости улавливать тенденции новой жизни.⁴⁴ В письмах к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. и Н. Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. Достоевский в связи с завершением романа «Идиот» и претензиями к нему некоторых критиков противопоставляет привычному «реализму», который «мелко плавает», свой так называемый «идеализм» или «фантастический» реализм, позволяющий рассказать о пережитом всеми русскими «в последние 10 лет в нашем духовном развитии», выявить и в обыденных и в самых, казалось бы, исключительных фактах общие закономерности и даже «пророчить» (см.: 28₂, 329 и 29₁, 19). Сформулированные в этих письмах художественные установки были творческими открытиями Достоевского, но в них есть и некоторые точки соприкосновения с эстетической мыслью бергсонианца Пеги.

Как критик Ш. Пеги высоко ценил классицизм и особенно Корнеля с его этикой доблести и чести, что находит параллель в восторженных отзывах молодого Достоевского о Корнеле и Расине, не оцененных тогда Белинским (см.: 28₁, 70—71 и 413). Борясь как бы сам с собой, Пеги осуждал романтизм, но не мог постоянно не обращаться к поэзии и прозе Гюго, придавая большое значение, как и Достоевский, их внутреннему потенциалу.

Пеги ушел на фронт, написав свои «Заметки...» о Бергсоне и не окончив работу о Декарте, и погиб как воин, каким он был всю жизнь. Он действительно был одним из поздних и вернейших последователей Франциска Ассизского, «рыцаря или воина Христа», носителя начал активного сострадания и любви ко всему живому в Божьем мире. Уважение к этому католическому святому конца XII—начала XIII в. выразил и Достоевский, назвав его нарицательным именем *Pater Seraphicus* старца Зосиму в одной из глав «Братьев Карамазовых», именем, не только прозвучавшим в устах Ивана, но и принятым Алешей (см.: 14, 241).⁴⁵

Упомянутый нами выше Р. Лаут заключает: «Тот, кто приходит к Достоевскому, находит бесконечную полноту и свет, ибо он видит

⁴⁴ См.: Из архива Достоевского. Письма русских писателей. М.; Пг., 1923. С. 15—22.

⁴⁵ Подробнее о Франциске Ассизском см.: *Ветловская В. Е. Pater Seraphicus // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 163—178.*

Христа. От Достоевского идут полные таинственности нити в развитии нашего времени — к Шарлю Пеги и к Антону Брукнеру. Ален-Фурнье — решился уже перед первой мировой войной сказать, что Достоевский и Пеги являются первыми „Божьими людьми” нашего времени, людьми, однозначно отмеченными Богом».⁴⁶

⁴⁶ *Лаут Р.* Философия Достоевского в систематическом изложении. С. 410. Об Аллен-Фурнье см. выше, примеч. 4.